

ВРЕМЯ НАЗАД ОТКРЫТАЯ АРХИТЕКТУРА РАССКАЗЫВАЕТ АННА ТОЛСТОВА

STIFTUNG MUSEUM KUNST PALAST DUSSELDORF, GRAPHISCHE SAMMLUNG

STIFTUNG MUSEUM KUNST PALAST DUSSELDORF, GRAPHISCHE SAMMLUNG

STIFTUNG MUSEUM KUNST PALAST DUSSELDORF, GRAPHISCHE SAMMLUNG

Urwerk UR103t

STIFTUNG MUSEUM KUNST PALAST DUSSELDORF, GRAPHISCHE SAMMLUNG

STIFTUNG MUSEUM KUNST PALAST DUSSELDORF, GRAPHISCHE SAMMLUNG

STIFTUNG MUSEUM KUNST PALAST DUSSELDORF, GRAPHISCHE SAMMLUNG

Бернд и Хилла Бехер показали красоту открытой конструкции

На Московской фотобиеннале открылась выставка фотографий супругов Бехер. Акведуки, цистерны, арочные мосты и мощные дороги — римская цивилизация оставила следы по всей Европе. Языческие храмы стали христианскими церквями, мавзолеи, виллы и театры разобраны на стройматериалы, а дороги, канализация и водопровод — то, что теперь называется инженерно-транспортной инфраструктурой, — служат до сих пор. Что оставит после себя современная европейская цивилизация? Лувр и Ватикан, ответят идеалисты. Газгольдеры, градирни, домны, угольные бункеры и сталелитейные заводы, отвечают реалисты Бернд и Хилла Бехер, на которых вот уже полвека ровняется концептуальная фотография во всем мире. Их ретроспективы прошли в музеях ранга МоМА, Tate и Центра Помпиду, их увенчали всевозможными лаврами, в том числе «Золотым львом» Венецианской биеннале и «фотографической Нобелевкой» — премией Хассельблада. Все эти почести — за один-единственный проект длиною в жизнь.

Они встретились в 1957 году в Дюссельдорфе. Оба учились в тамошней Академии художеств, оба фотографировали и стали работать вдвоем еще в студенческие годы — их объединила общая тема: индустриальные сооружения, реестр которых они ведут с конца 1950-х. Крупноформатная камера, высокочувствительная черно-белая пленка, каждый объект увиден в мельчайших деталях сухим исследовательским глазом, как будто речь идет о технической фотографии из учебника для инженеров-строителей. Бехеры называли это «анонимной скульптурой»: конструкции со своей особой, неархитектурной эстетикой, где любой элемент обусловлен голой функцией, но при этом целое выглядит как сугубо художественная фантазмагория. Часто «скульптура» помещается строго по центру и снята фронтально — из таких кадров они потом начали составлять свои знаменитые «типологии»: целые атласы водокачек, тушительных башен и элеваторов, где в одну таблицу сводились дюжины похожих, как в задачках из серии «найди десять отличий», построек. Поначалу они не уезжали далеко от Дюссельдорфа, снимая в пределах земли Северный Рейн-Вестфалия: в Зигене, на родине Бернда Бехера, и в Рурской области, промышленном сердце Германии, культурный ландшафт которой менялся буквально на глазах. Мировая война стерла с лица земли гражданскую архитектуру старого немецкого города: на руинах разбомбленных средневековых кварталов возникали многоэтажки в русле «современного движения», и в этой смене стилей была некая историческая закономерность.

Richard Mille RM017

MB&F Horological Machine №2

Но мировые кризисы, настигавшие то одну, то другую отрасль тяжелой промышленности, мирным путем стирали с лица земли грандиозные творения немецкого инженерного гения, ставшие в конечном итоге залогом военной мощи Третьего рейха, и в этом была злая ирония истории. Доменные печи и шахтные подъемы, еще недавно казавшиеся конструкциями на все времена, как римские акведуки, сделались наследством уходящей эпохи. Постепенно география их исследований расширялась: вся Германия, Европа, Америка — за 50 лет они составили всемирный каталог инженерно-архитектурного наследия индустриальной эпохи, снятого без всяких сантиментов в духе объективистской фотографии XIX века, столь адекватной выбранному предмету. Они воочию наблюдали глобальную деиндустриализацию и оказались в первых рядах борцов за сохранение памятников промышленной архитектуры. Так, во многом благодаря их деятельному участию шахту «Цоллерн» в Дортмунде не снесли, а превратили в великолепный музей.

Но наибольший вклад в распространение нынешней музейно-антикварной моды на индустриальные сооружения они внесли самой своей «археологической» фотографией. Заставили нас любоваться орнаментами технических лестниц, труб, кранов, вентилялей и заклепок на фоне колоссальных стальных резервуаров и бетонных кратеров — так же, как мы не устаем любоваться красотой часового механизма в наш компьютерно-электронный век. Идея бесстыдно открытой архитектуры перешла в прикладное искусство, в малую пластику, в микроскульптуры, к которым, безусловно, относятся многие авангардные часовые шедевры нашего времени. Работы германских классиков как будто бы стали объектом пристального внимания современных часовых дизайнеров от Ришара Милля с его RM017 до Максимилиана Бюссера с MB&F и Феликса Баумгартнера с Urwerk.